

18+

ИГОРЬ ШИПОВСКИХ

Сказки старой Москвы

НОВЕЛЛЫ-СКАЗКИ

Игорь ШИПОВСКИХ

**Сказки старой Москвы.
Новеллы-сказки**

«Издательские решения»

Шиповских И. Д.

Сказки старой Москвы. Новеллы-сказки / И. Д. Шиповских —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986766-7

Сказки о щедрости и жадности, о коварстве и доброте, о таланте в кулинарии и скромности, о странном оборотне и колдовстве, о ненависти и сыновней любви, о заносчивости и преображении, о славе русского оружия и рассказнях врагов, о семье и служении Отечеству. А ещё о девичьей красоте и незапятнанной чести, о заморской нежите нелёгкой победе, и конечно о безграничной любви. А действия этих историй происходят в старой Москве, где возможны всяческие чудеса, волшебные происшествия и даже колдовство.

ISBN 978-5-44-986766-7

© Шиповских И. Д.
© Издательские решения

Содержание

Сказка о талантливом поварёнке Люсьене и дочке генерала Глашеньке	6
Сказка о премьер-майорше Суворовой и мяснике Панкрате, вегетарианцам лучше не читать	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сказки старой Москвы
Новеллы-сказки
Игорь Дасиевич Шиповских

© Игорь Дасиевич Шиповских, 2020

ISBN 978-5-4498-6766-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о талантливом поварёнке Люсьене и дочке генерала Глашеньке

1

Когда-то давным-давно, а именно в позапрошлом веке в центре нашей достославной столицы на небольшой улочке рядом с Трубной площадью располагался один скромный и, в общем-то, заурядный кабачок управляемый старым немцем Гансом Крюгером.

Впрочем, некоторые краеведы и старожилы утверждают, что он ещё и сейчас там где-то прячется в хитросплетениях улочек и переулков. Однако речь ныне пойдёт не о современности, это мы оставим нашим потомкам, а разговор теперь состоится о тех далёких годах, когда имя и слава того кабачка не сходила с уст всех местных гурманов и отъявленных чревоугодников тогдашнего общества.

Хоть и был тот кабачок обыкновенного вида и не отличался своим убранством от прочего множества подобных заведений, всё же своя индивидуальная изюминка в нём была. Недавно же его так обожали кутилы и жуиры всех мастей.

А виной этому являлось некое необыкновенно-изысканное блюдо, кое так замечательно приготавливал совсем ещё молодой, едва набравшийся опыта, однако несказанно талантливый поварёнок, не то французского, не то бельгийского происхождения. А звали сего юного отрока Люсьен, и обладал он незамысловатой нормандской фамилией Оливье.

Правда, откуда именно он взялся в наших краях, и как прибыл сюда, мало кто знал и предполагал. Для всех главным было, что он невероятно вкусно готовил. Хотя иные злые языки поговаривали, что родом он из зажиточной семьи кулинару с юга Прованса. А бабка торговка с Сухаревки слёзно заверяла, что точно знает, кто он и как к нам попал.

– Да чтоб вы знали,... его старшие братья, хотели его касатика извести,... он им мешал родительское состояние делить! Однако бедолага прознал про их худые замыслы да с первым же заграничным обозом в Россию-то и сбежал. Здесь-то его достать, у них руки коротки... – вот такую байку измыслила старая торговка.

Но как бы там ни было, малыш Люсьен, попав в первопрестольную, поначалу долго мыкался по углам и искал себе применение. Это уже намного позже немец Ганс заприметил его огольца у себя на заднем дворе. Пожалел, да взял на время овощи с фруктами чистить. Вот тут-то и проявился поварской талант Люсьена, как-никак выходец из рода кулинарув.

Для первого раза приготовил он Гансу забористую похлёбку из простой крапивы, сушёных грибов да свекольной ботвы. Правда, он её ещё слегка приправил каким-то своим, лично им выдуманным пряным соусом.

Ганс попробовал его варево, и вот тут-то всё сразу началось, завертелось, понеслось. Похлёбка оказалась настолько вкусна, что Ганс немедля упросил Люсьена встать у плиты и готовить теперь уже всем гостям кабачка.

– Ну, братец ты и горазд,... я такого кушанья отродясь не пробовал!... да у тебя большое будущее в этом деле!... быть тебе кулинарум всея Руси!... – весело прихлопнув Люсьена по плечу, похвалил его Ганс и предоставил ему полную свободу действий.

С первых же блюд вся смелая кулинарная фантазия Люсьена выплеснулась наружу. Чего он только не изобретал своим пытливым умом. И рябчиков запеченных в дыне с омарами делала, и осетрину с севрюжкой, копчёную в апельсиновом соусе подавал. И даже арбузы с хренком солил да как закуску к запотевшей сорокоградусной рекомендовал.

А что он с телятиной да лосятиной вытворял, так это все гурманы только диву давались, чуть языки себе не пообедали. И в вине-то сладко-кислом из Бордо мариновал, и в бланманже-то с сахаринном обваливал. А затем на вертеле коптил, томил, и обжаривал. Да так всё

искусно, что гости потом, чуть ли не с руками отрывали, да изрядной добавки требовали. А уж, какие соуса готовил, так такие в самом Париже до сих пор делать не научились.

В общем, с появлением Люсьена, кабачок старого Ганса из простого заурядного заведения стал превращаться в уважаемую всеми гурманами ресторацию. Однако Ганс тоже в долгу не остался, не поспешил, взял да и выделил Люсьену на первом этаже рядом с кухней небольшую, но опрятную комнатку с отдельным выходом на улицу. А по тем временам это было очень даже достойное жильё.

Так у Люсьена появился свой угол. Можно сказать, он теперь был полностью счастлив. Сейчас он мог творить, что хотел и как хотел. Весь кабачок был в его распоряжении. А слава о его кулинарном мастерстве всё больше набирала силу и только крепла. Так что вскоре в кабачок потянулись знатные чревоугодники из высшего общества. Местным гурманам и обжорам пришлось потесниться.

Ну а как же иначе, ведь те знатные господа все такие ухоженные, чистенькие, да ещё и обрызганные разными заграничными духами с благовоньями. А тут на тебе, какие-то приказчики да мещане рядом за столами сидят. Вот и устроил Ганс для важных гостей отдельные кабинеты.

И теперь весь кабачок с приездом знатных господ заполнялся изысканным духом высшей знати. Но уж только этот дух надолго в атмосфере кабачка не задерживался. Он просто не шёл ни в какое сравнение с теми ароматами, что исходили с кухни, где творил Люсьен.

Все эти заграничные благоухания сразу же меркли и растворялись в чарующих ароматах севрюжины томлённой в соусе «ля бурж» или же таяли в тонких нюансах вальдшнепов пригтовленных с подливкой из груздей заправленной шафрановым маслом.

Гости моментально попадали под влияние всего этого букета специй и пряностей, и буквально теряли самообладание. Иные мгновенно исходили слюной ещё даже не успев снять шляпы и поставить трость в угол. А что уж говорить о женщинах.

Некоторые дамы из числа пришедших с господами не выдерживали такого изобилия пикантных запахов и прямо-таки падали в обморок. И лишь резкий дух лимонного уксуса поднесённого к носу мог привести их в чувства. Другим же мадам, любительницам изысканных яств, приходилось снимать корсеты, иначе они наедались так, что лопалась шнуровка, и никакая сдержанность в еде не помогала.

Вот такие забавные чудеса творились в кабачке немца Ганса. И это всего спустя полгода как там обосновался Люсьен. Его заслуга в популярности заведения была более чем очевидна. И всё бы, наверное, так и продолжалось, и вполне возможно, что слава кабачка дошла бы даже и до Европы, но вот же-шь незадача, не всё в нашей жизни бывает так просто, как мы на это рассчитываем.

2

Случилось так, что о выдающемся таланте юного поварёнка из заштатного кабачка узнали аж во дворце самого генерал-губернатора. А там, как известно, подобных выскочек не жалуют. И это не потому, что так хочется самому генерал-губернатору, нет, просто уж так у нас заведено.

Любят наши власти, чтоб всё было ровно, приглажено, и никакого выдающегося вольнодумства. Всё должно делаться только по команде, все обязаны ходить лишь по струнке, пострижены под одну гребёнку, и никак иначе. Впрочем, такая практика наблюдалась всегда, во все времена. Однако именно в тот период она проявилась особенно жёстко.

И тому была веская причина. А выражалась она в том, что завёлся в генерал-губернаторском дворце один очень дерзкий и изворотливый человек. Притом он взял такую власть над генерал-губернатором, что и самому государь императору не удавалось. Как хочет, так и вертит им.

Но делает это хитрец, исподтишка, ненавязчиво, словно ему и не надо ничего. Говорит генерал-губернатору, тихо так, скромно, с преданной улыбкой.

– Мне ваше превосходительство сегодня карета понадобится, ... хочу с инспекцией проехаться, ... проверить кое-чего, ... как бы какой крамолы не случилось... – лукаво так, почти небрежно намекает генералу. Ну, тот ему сразу карету и даёт.

Да непростую, а свою генерал-губернаторскую, с гербом и вензелями. А человек тот спокойно садиться в карету и едет себе по городу по своим личным делам. Ни стыда, ни совести.

А все кто ему навстречу попадаются, кланяются, привечают его. Ведь карета-то властного лица, вот люди и думают, что в ней сам генерал-губернатор сидит, а на поверку-то оказывается там всего на всего его повар едет. Да-да, самый что ни на есть обыкновенный домашний кулинар.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь у нас порой хорошие повара ценятся выше иных премьер-министров. Вот и генерал-губернатор, хоть горд и своенравен был, но всё же не смог устоять перед магией кулинарных изысков приготовляемых этим поваром. А всё потому, что наш генерал был большим любителем поесть, чревоугодником каких свет ещё не видывал.

Однако надо отдать должное и самому повару, готовил он очень даже превосходно. Блюда его всегда были приправлены особенными соусами и специями, а оттого имели необычайно восхитительный вкус. Ну, это и понятно, ведь повар тот, был непростой человек, а колдовских кровей индивид, да ещё и не из наших краёв.

Прибыл он к нам аж из самой Англии, из лесного Уэльса. А звали этого хитреца, как ни странно Йорк, что означает родом из Йорка, но никак не из Уэльса. Однако странности на этом не кончались. У себя дома, в Англии, он не смог найти применение своим колдовским чарам, ведь там почитай в каждой деревне свой мерлин или друид имеется. Там его быстро раскусили, кто он такой и что за фрукт. Жить честно не хочет, всё к власти рвётся, да чужим добром завладеть норовит. Вот его хитреца-злодея и изгнали из родных мест.

Кинулся он было в Европу. Походил там, побродил, и даже вроде какое-то хозяйство завёл, но и тут он не прижился. Бросил всё, и перебрался в Россию. А у нас-то, как известно всякую иностранщину ох как любят. Вот он сразу и пристроился на генерал-губернаторской кухне. Благо всяких кулинарных рецептов знал и ведал он превеликое множество. Колдун ведь.

И начал он тут же своё хитрое злодейство творить. Задумал он всю власть в Москве под себя подмять. Решил через кулинарные изыски всё градоначальство себе подчинить. И первым же на его удочку попался аж сам генерал-губернатор. Едва он отведал новые блюда заграничного повара, как моментально к ним пристрастился, и других ему уже на дух не надо.

– Ты голубчик теперь у меня навсегда останешься, ... только мне и моему окружению готовить будешь, и никому более... – призвав к себе Йорка в кабинет, объявил ему генерал.

– Рад стараться, ваше превосходительство!... всё для вас сделаю, всё выполню!... – с подобострастной улыбкой отвечает ему Йорк, а сам про себя подумал, – ага, как же, жди, ... буду я для тебя делать! Это ты теперь для меня стараться будешь, ... угождать да ублажать меня станешь, чтоб я тебе свои кушанья готовил... – втихую поухмылялся он, да быстро откланявшись, удалился опять к себе на кухню.

3

Так с того памятного разговора и началась его служба во дворце генерал-губернатора. И затеялся он сразу сети зла плести, да для себя место во власти расчищать. А всех кто на него косо смотрел или недобро о нём отзывался, изводить да чернить принялся.

Кого компрометировал, кого с места выживал. А кому, кто понастырней был, хитрые подставы чинил да нагло зельем травил. Так те бедняги потом ещё долго в себя прейти не могли, а некоторые и вовсе калеками остались.

Но все его коварства были не напрасны, пришло время, и набрал он столько власти, что мог, чуть ли не единолично Москвой управлять. И никто ему мешать не смей. Всех кто перечил, Йорк повыгонял, поуспразднял. А сам возле генерал-губернаторского кресла, так и вьётся, так и трётся. Да над городом надзор ведёт.

– Кто Москвой управляет, тот будущее всей России решает!... так-то, олухи! – не раз говаривал он своим прихлебателям, а ведь были и такие. И в его помыслах уже появились дерзновенные планы, как бы ему самого государь-императора под себя подмять. Вкусной снедью прикормить да подле себя на трон усадить.

Однако царь-батюшка далеко, в Санкт-Петербурге проживает, а недруги и конкуренты Йорка здесь рядом, прямо у него под носом процветают. И не где-нибудь во дворцах да в хоромах, нет, тех-то он давно уже повывел, а вот те, что на улицах, площадях, и базарных ярмарках обитают. Простые торговцы едой.

И будь, то продавец дешёвых пирожков на Охотном ряду, иль хозяин дорогой ресторации на Кузнецком Мосту, это всё едино, для Йорка они враги. Боялся он, что кто-нибудь из них, из местных кулинаров-поваров может его место при дворцовой кухне занять. Ведь тогда бы его власти сразу конец пришёл.

Вот потому-то и ездил он частенько в генерал-губернаторской карете, да всё приглядывался, где кто и чем торгует. Проверял всех и вся. И знатные аустерии, и скромные ресторации, и кабачки, и трактиры с харчевнями, и даже самые пустяшные забегаловки не обходил стороной. Всё высматривал, выглядывал, чтоб лучше его не готовили, и превзойти не могли.

А как найдёт кушанье необычное, экзотичное, да повкусней, так тут же на это заведение подмётную докладную составит, да фининспектору её отправит. Но что ещё хуже, бывало, натравит из тайного приказа ассессоров да пустит их по ложному следу. Мол, там людей отравой кормят, не иначе как крамолу затевают, проверить бы надо.

Таким образом, хитрец Йорк, многие добропорядочные заведения разорил, а их хозяев с пустыми карманами по миру пустил. Ну а тех, кто под него стелился, вынуждал торговать посредственной едой, пищей так сказать на скорую руку. А называл он её, на свой, на аглицкий манер «fast-food», что означает быстрая еда.

Короче говоря, не терпел Йорк конкурентов, унижал их всячески и заставлял ширпотребом народ угощать. Ну не мог он допустить, чтобы не дай Бог, генерал-губернатор, себе какого другого повара завёл. Всех в подвохе подозревал, над всеми неусыпный надзор держал.

И так он обнаглел в своей подозрительности, что даже единственную дочь генерал-губернатора – Глашеньку, не пожалел и извёл. Поднял паршивец руку на святое. Подстроил негодяй так, чтоб родной отец от доченьки кровинушки своей отказался, забыл её. И опять-таки, сделал это прохиндей всё по-хитрому, исподтишка.

Прознал он, что Глашенька наведается к одному знакомому ресторатору, бланманже кушать. Осведомителей-то у него было пруд пруди, вот и подсказали. Ну, он конечно к ней сразу с расспросами приставать.

– Тебе это что же, милая, моё кушанье не нравится?... это чем же тебе, госпожа привереда, моя дворцовая кухня не угодила?... а ну, скажи, сделай милость... – бесцеремонно ворвавшись к ней в покои, сходу ехидничая, начал он задавать ей колкие вопросы. А она вдруг возьми да всю правду ему скажи.

– Надоели мне твои сладости да варенья!... все они приторные, сладу нет,... от них у меня уже зубы болят!... не хочу я твоего кушанья, хватит с меня! Это ты отца дурачить можешь, ... закармлил его совсем, в раба чревоугодника превратил,... продыху ему не даёшь,... знаю я, чего ты добиваешься, власти жаждешь! Но я тебя терпеть, не намерена!... пошёл к чёрту! ... – вот так категорично заявила Глаша, тут же вытолкала его наглеца да опять в ресторацию к своему знакомому обедать уехала. Она хоть и молода была, но тоже строптива, вся в отца.

Ну конечно такой отказ взбесил Йорка и решил он отомстить. Подсунул он как-то Глашеньке, через горничную, вместо тёплого молока перед сном, свой колдовской отвар. А на такие гадости он был мастак. Выпила она его, и начали с ней всякие чудеса твориться. Вдруг стала она по ночам звериной шерстью обрастать, да рыбьей чешуёй покрываться.

Но что ещё хуже, принялась она в окно вылезать, да по дворам бегать, на луну выть. Благо ещё, что во дворце кроме неё этого пока никто не заметил. Ведь всё под покровом ночи происходило, и только с восхождением луны. Ох, и страху же было, сразу по городу слухи поползли, мол, лютей зверь в округе завёлся, людей есть собирает. Уж чуть ли охоту на него не объявили, даже палками запаслись.

Вот тогда-то и пришлось Глашеньке бедняжке из дома бежать, дабы её местные сторожа чего доброго за зверя не приняли да ненароком не пристукнули. И ведь что удивительно, сбежать-то она сбежала, а во дворце всё тихо и чинно, будто и не случилось ничего. Дочери, который день дома нет, а генерал-губернатору хоть бы хны. Он и ухом не повёл, и дальше объедаться продолжает и ничего замечать не собирается, словно заколдовал его кто.

А ведь так оно и было, уж Йорк расстарался, применил своё колдовство, навёл на генерала мороку. Совсем распоясался негодяй. И теперь, казалось бы, ему успокоиться надо, ведь на его пути уж никто не стоит, ни губернатор, ни его дочка, ни уж тем более чиновники-бюрократы, он всех устранил. Но нет, Йорку мало, и он уже себя почувствовал, чуть ли не царём на Москве, распухнул, раздухарился.

– Ну, всё, сейчас всех к ногтю прижму,... ха-ха,... теперь в городе все только по моим рецептам кушать будут!... ха-ха,... всех заставлю мой «fast-food» есть, всех заморокую,... все мне подчиняться станут!... – злобно прихихатывая, торжествовал Йорк. Но рано он радовался, ведь ему уже был сюрприз уготован.

4

В одно прекрасное утро дошёл до Йорка слух, что некоторые придворные господа чиновники изволят столоваться в каком-то заштатном кабачке, и от его кухни отказываются. Неприятное известие, ужасный сюрприз.

– Это ещё что за бунт такой!... сначала генеральская дочка,... теперь эти!... а что дальше?... меня изгнать?! Нет, тут надо разобраться, кто это там воду мутит и моих подданных к себе переманивает,... так глядишь, и сам генерал-губернатор туда переберётся! А я только под себя Москву подмял!... все лишь и знают, что моими рецептами кормятся!... тут на тебе, какой поварёнок выискался! – бешено негодуя, орал он на своих соглядатаев, что донесли ему этот слух.

А надо сказать Йорк был прав, ведь ни одно заведение в городе с недавних пор не могло существовать без его дозволения, всех он запугал, никому не разрешалось пользоваться своими рецептами. И лишь немец Ганс на свой страх и риск, плюнул на его дозволения, проявил смелость и дал возможность Люсьену всласть пофантазировать. Отчаянный поступок надо заметить. В такое-то время, когда гонения на каждом шагу дать волю фантазии.

И вот Йорк, переполненный яростным негодованием, и, несомненно, ещё больше чрезмерным любопытством, решил немедленно нанести визит в этот процветающий на фоне всеобщего безвкусица кабачок немца Ганса. И задумал он это сделать как всегда своим излюбленным способом, не в открытую, как он прочих посещал, а в втихую, исподтишка.

– Здесь особый случай,... тут осторожность нужна, ведь там у него уже успели побывать многие знатные вельможи,... как бы среди них врагов себе не нажить... – резонно рассудил он, собрался, надел простой скромный сюртук, и, подгадав время к обеду, отправился в путь. Но генеральскую карету брать не стал, повёл себя хитро и нанял обычного извозчика. Ох, и ловкач.

В кабачке же в это время творилось что-то невообразимое. Народу набилось полный зал, продохнуть негде. Однако пара кабинетов для знатных гостей всё ещё пустовала. И то нена-

долго. Через два часа должны были пожаловать важные клиенты, и как раз из дворца генерал-губернатора. А именно те самые чиновники, что уже успели открыть для себя преимущества местной кухни.

И тут надо же такому быть, появился Йорк. Подъехал к кабачку, расплатился с извозчиком, отпустил его, всё чин чинарём, и заходит вовнутрь не спеша. Зашёл, встал в уголке да степенно осматриваться начал. А к нему уже официант подсакивает.

– Чего изволите-с господин? – спрашивает Йорка и радушно ему улыбается.

– Желал бы у вас отдохнуть, ... мне один приятель дал отличные рекомендации на счёт вашего заведения, ... вот я и решил проверить, так ли это. ... – быстро слукавив, ответил Йорк, а сам уже впился носом во весь тот чарующий аромат пряностей, что витал вокруг.

– О, мы всегда рады приветствовать новых гостей, ... да ещё и по рекомендациям-с, ... однако прошу прощения, ... ныне у нас мест-с совсем нет, ... может в дугой раз... – искренне сожалея, отказал официант.

– Ах, как жаль, ... послушай любезный, я уж так голоден, ... мне бы хоть где-нибудь с краюшку притулиться, ... ненадолго... – продолжая настойчиво канючить, взмолился Йорк, ведь он уже заметил те два свободных кабинета.

– Ну, если господин изволит-с ненадолго, ... то могу предложить, в виде исключения, место вон в том-с кабинете, ... но лишь на час. Потом он у нас будет занят, ... прошу, пройдёмте-с... – видя, как умоляюще на него смотрит гость, всё же согласился официант.

– А мне как раз и хватит... – обрадованно отреагировал Йорк и быстро последовал за официантом, который вмиг проводил его на место.

Едва Йорк пристроился за столом, как тут же заказал овощное консоме, поджарку из осетрины, грузочки в сметане и на десерт бутылочку лёгкого «Крымского». Заказ был немедленно принят и, ничего неподозревающий официант стремительно умчался на кухню. А там, словно Бог на Олимпе властвовал Люсьен. Всё вокруг него шкварчало, клокотало, бурлило, шипело. Он был в своей стихии.

– Люсьен, тебе новый заказ, ... и будь добр сделай его, пожалуйста, побыстрей, ... у гостя в распоряжении всего час, ... и он бедняга очень голоден, ... уж так просил его накормить... – передав заказ, попросил официант и даже изобразил жалостливую физиономию Йорка.

– Будет сделано, ... не впервой, ... выручим голодягу... – весело откликнулся Люсьен и принялся хлопотать. Официант мигом вышел, и на кухне началось настоящее волшебство. Хоть у Люсьена и была масса других заказов, но этот он взялся делать незамедлительно. А то как же, ведь там его ждал занятый человек.

– Коли уж так быстро надо, наверное, какой-нибудь клерк с банка, ... они бедолаги вечно куда-то торопятся, ... время ценят... – рассудил Люсьен, да и сам не заметил, как у него всё мгновенно закрутилось, завертелось. Его руки, будто наперёд зная, что им надо делать, двигались словно заведённые.

Раз и осетрина уже на сковороде. Два и она уже обжарена, полита соусом и обдана специями. Три и уже грузочки под сметаной истомились. Тут и овощное консоме поспело, да и «Крымское» на подаче. Прошло каких-то десять минут, а всё уже готово и стоит на подносе. Невероятная быстрота. Йорк ещё в полную меру не смог насладиться всей гаммой запахов доносящихся с кухни, а ему уже несут его заказ.

– Извольте-с, получите, ... всё с пылу с жару, так сказать-с... – выставляя на стол закуски, приветливо пошутил официант, и тут же закончив своё дело, удалился. Йорк даже «спасибо» сказать не успел, как всё перед ним очутилось. Сидит он с обескураженным лицом, и понять ничего не может. Только глаза выпучил и слюнки пускает.

– Как так, ... вроде только заказал, ... а уже всё готово! ... да быть такого не может! ... вот это мастер! Нет, с таким мне в честной схватке не тягаться, ... разве что избавиться от него

коварством и злом! Ну-ка, ну-ка попробуем, что он тут наготовил... – оторопев от такой скорости, прошептал себе под нос Йорк и взялся за ложку.

Первым пошло овощное консоме. Такого нежного вкуса он ещё никогда не ощущал. Во рту у Йорка, словно фея сахарного домика поселилась, а в голове запели ангелы. Наслаждение, какое он сейчас испытывал, было несравнимо ни с чем ранее им пробованным, и уж тем более ни с одним из его блюд. Он просто не умел так готовить, и это невзирая на всю его колдовскую сноровку.

– Да теперь мне понятно, почему все ходят к нему и бегут от меня,... его кушанья сверх всяких похвал,... а какое неожиданное послевкусие,... он божественный повар... – не скрывая своего восхищения, пролепетал Йорк и продолжил обед. Дальше шла поджарка из осетрины, затем груздочки в сметане и, конечно же, неповторимое солнечное «Крымское». И все это было поглощено Йорком с таким же удовольствием и наслаждением. Однако с последней каплей «Крымского» к Йорку вернулось осознание того зачем он здесь.

– О нет,... его ни в коем случае нельзя оставлять в таком безмятежном положении,... иначе сюда переберётся мой генерал-губернатор и моим мечтам о всевластии придёт конец... – злобно подумал он, и тут же вскочив с места, протяжно закричал.

– А-а-а-а!... больно!... режет!... в животе резь!... он меня отравил!... это он, это повар!... а-а-а!... в глазах темнеет!... – хватаясь то за голову, то за живот, сшибай на ходу столики и стулья рванулся он к выходу. В кабачке в одно мгновение воцарился хаос, все вокруг пришли в смятение.

– Что с ним?... как отравили?... не может быть!... врача ему! Доктора, позовите доктора!... здесь есть врач?... – повскакивав с мест, закричали, загомонили гости. Кто-то кинулся поднимать стулья, поправлять столы, а кто-то с желанием помочь бросился к Йорку. Но тот, не дойдя до выхода нескольких шагов, свалился на пол и забился в припадке. Из рта у него пошла пена, и он закатил глаза. Однако это был всего лишь трюк, хитрец знал их немало.

Дамы, находившиеся рядом, не выдержав такого зрелища, стали зычно ахать и падать в обмороки. Беднягам сделалось дурно и их тут же пришлось выносить на свежий воздух. А Йорк всё так и продолжал свой спектакль.

Он по-прежнему бился в конвульсиях и хрипел. Над ним уже склонился некий доктор из гостей и пытался оказать посильную помощь. Но вдруг в какой-то момент Йорк резко дёрнулся, вытянулся, громко икнул и тут же затих. В кабачке вмиг воцарилась гробовая тишина.

– Кончился... – в полголоса произнёс доктор, проверив пульс на шее Йорка. Оказывается, этот ловкач умел проделывать и такой трюк. Ему остановить собственное сердце, как в салфетку чихнуть, раз и готово.

Что же тут сразу началось, все гости махом врассыпную кинулись, на выход бросились и не остановить. А как же иначе, ведь покойник на полу. Разбежались в один момент, да понеслись по городу слухи разносить. Все же видели, как в кабачке немца Ганса повар клиента насмерть застрелил.

Не прошло и пяти минут, как весь город только об этом и говорил. А Йорку прохиндею лишь того и надобно. Он-то прекрасно понимал, что сейчас в городе твориться будет.

– Вот и славненько,... дело сделано,... пора бы мне отсюда смываться,... и чем быстрее, тем лучше... – поразмыслил он, глазки свои поросычьи потихоньку приоткрыл, огляделся, смотрит, рядом нет никого. Да это и понятно, ведь все гости в панике кто куда разбежались. А доктор что его мёртвым признал, за урядником подался, тот в таких делах просто необходим.

Ну а сами кабатчики во внутренний дворик ретировались, подальше от покойника. И даже немец Ганс уж почто крепкий человек был и то не выдержал страшного вида Йорка и тоже во двор вышел. Лишь один Люсьен на кухне в угол забился, сидит и понять не может, как же так вышло, что он человека отравил.

– Загубил невинную душу,... прикончил голубчика,... а ведь у него наверняка жена и дети есть,... ждут его домой,... а он там лежит с пеной у рта и остывает... – горюет бедняга над человеческой потерей.

А хитрец Йорк видит пусто вокруг него, ну он ползком да тайком, раз и за дверь выскользнул, и уж нет его. В суматохе-то никто и не заметил, как он выбрался. И тут же дворами да переулками подальше от кабачка убрался. Вышел на широкий бульвар поймал извозчика, да и был таков. А спустя полчаса он уже во дворце, как ни в чём небывало в гостинной кофеёк попивал.

5

Меж тем в кабачке творилось что-то непонятное, и даже загадочное. Вернулся доктор, привёл урядника, чтоб происшествие запротоколировать. Заходят они вовнутрь, подходят к тому месту, где покойник лежал, а его и нет.

– Что такое?... что за дела, куда человека подевали?... да он только что здесь был! Ей там, обслуга!... а ну сюда пошли!... – властным голосом позвал всех со двора доктор. Сбежались тут все официанты, половые да служки. Смотрят, что за чертовщина, пропал мертвец-то, нет его.

– А ну говорите, куда тело дели?!... а не то я вас всех в бараний рог согну!... в порошок сотру, бесовы дети!... – это уже урядник подключился, кричит на всех и пудовым кулаком перед их носами машет. А те стоят, рты пораззявили и сказать ничего не могут, только пальцами в пол тычат и хмыкают. Поражены до бескрайности, куда ж это человек-то пропал.

– Никак освежевали уже, холера вас возьми,... разделали, небось!... на котлеты пустили, ... улики спрятать затеяли, ишь живодёрское племя!... – сурово забасил урядник да на кухню подался. Давай там по кастрюлям и бачкам брэнчать, греметь, покойника искать.

– Да нет же,... ну не могли они так быстро его разделить, сомневаюсь я,... что за глупость такая! Скорей всего во двор вытащили да мусором присыпали,... там надо смотреть!... – заголосил доктор и повёл урядника на улицу.

И там они всё обыскали, под все кучи мусора заглянули, но ничего и никого не нашли. Никаких признаков присутствия тела. Плюнули они на это дело, и вернулись в кабачок. Урядник сходу давай обслуге допрос учинять. Спрашивает, мол, был человек. Ему отвечают, был, а где он сейчас никто не знает.

– И вправду, что-то здесь неладное твориться,... прям мистика какая-то,... madzhestik одним словом... – пожимая плечам, важно заметил доктор, да было собрался ещё кой-чего добавить, но не успел.

– А ты здесь иностранными словечками-то не бросайся,... не по-нашему это... – перебил его урядник, – я тебе так скажу, это его черти к себе в ад прямой дорожкой утащили,... забрали и нам ничего не оставили... – сделал он вывод.

– Да как же так, братец,... откуда ж тут черти,... ведь город всё-таки, не болота здесь, не леса... – усмехаясь, возразил доктор.

– Эх ты, медицина,... не знаешь ты ничего,... а нечистые ныне шибко умные пошли,... им что город, что село всё одно,... крадут души и не морщатся! Вон намедни люди сказывали, у генерал-губернаторского дворца зверь объявился,... чёрный весь, в шерсти, на голове чешуя блестит,... по ночам воет, по дворам бродит,... жертву ищет, человеческой плоти требует! Вот может он-то и унёс вашего покойника,... вот так-то!... – совершенно всерьёз отвечает ему урядник.

Доктор с ним спорить не стал, а что толку, урядники они ведь настырные, как что себе в голову вобьют, так потом уж ни какими доводами не вышибешь. Ну, на том и порешили. Дескать, был мертвец да черти его взяли. Однако такого в полицейском рапорте не напишешь, так его и составлять не стали. Распрощались да разошлись. Этим дело и закончилось. Но только не для Люсьена.

Он-то бедолага всё случившееся очень остро воспринял и близко к сердцу допустил. Его теперь словно кто обухом по голове огрел. Он весь вечер так безвылазно в углу и просидел, и ничего уж более не готовил.

И то, правда, чего уж тут готовить, все гости разбежались и о прежней посещаемости теперь и речи быть не могло. В один миг про кабачок старого немца пошла дурная слава. А к вечеру уже во всех заведеньях города от Сухаревки и до Арбата только и делали, что говорили о случившемся в кабачке на Неглинной.

Люсьен же той порой стал кое-как приходить в себя. А старина Ганс, чтоб его хоть как-то растормошить сварил ему крепкого кофе.

– Ну что, как ты тут?... очухался хоть немножко?... попей вот кофейку,... полегчает... – тихонько, дабы ещё больше не усугубить положение, спросил он его, ставя перед ним кружку с напитком.

– Нет, не очухался,... плохо мне,... ведь я человека загубил,... взял и такими простыми блюдами отравил,... все мои кулинарные способности теперь и гроша ломаного не стоят,... совесть моя нечиста,... нет мне оправдания,... как жить, не знаю... – совершенно удручённо ответил ему Люсьен.

– Да ладно тебе,... будет горевать-то,... ну нет его, исчез человек, так может, и не было вовсе,... показалось нам, что он приходил. Слышал, что урядник-то сказывал,... мол, это черти нам голову морочат да за нос водят,... дескать, место тут нечистое! Ну, так и подумаешь делов-то,... это место нечистое, ну и бог с ним,... продадим кабачок, да на другое переедем! Там ещё какой-нибудь трактирчик откроем,... а то глядишь и ресторацию! – ободряюще воскликнул Ганс, пытаясь поднять Люсьену настроение, на что тот лишь угрюмо кивнул головой. И тогда Ганс решил действовать иначе.

– Послушай, ведь у тебя великий талант кулинара и бросать его никак нельзя,... ты же можешь им много пользы людям принести! Пойми, хороший повар, он же сродни доктору,... добротной едой может и человека излечить! Правда бывает, что и у самого опытного врача пациент помирает,... ну так и что же, сразу всех прочих не лечить что ли, бросить бедняг!? Все мы ошибаемся, на то нам и ошибки даны, чтоб в будущем их более не допускать,... как в народе говорят, на ошибках учатся,... понял? – высказал он последний довод, дабы переубедить Люсьена. Но и это не помогло. Хотя Люсьен чуть оживился.

– Понимаю, как тут не понять,... всякое конечно бывает,... но ошибка ошибке рознь,... и эту ошибку я себе не прошу! Совесть меня мучает, виновен я,... уж лучше пойду-ка я похожу, поброжу, подумаю обо всём,... не могу я больше здесь находиться, муторно мне, тяжело,... мысли разные в голову лезут,... как бы руки на себя не наложить... – печально ответил Люсьен и как отрезал. Вылез из своего угла, вздохнул понуро, вышел на улицу и как был, в поварской тужурке да колпачке, подался по мостовой, куда глаза глядят.

– Возвращайся скорей, мы тебя ждать будем!... – крикнул ему вслед Ганс, взмахнул было рукой, но Люсьен в ту же секунду растаял в надвигающейся темноте. Вечерело, кое-где уже успели зажечь фонари, и можно было без труда различить дорогу. Однако Люсьену было всё равно, куда идти, он брёл наугад. Куда его ноги несли туда он и шёл.

Он и не заметил, как добрёл до городской окраины, как вышел на проезжий тракт, и как свет от уличных фонарей плавно сменился сиянием ярких звёзд и полноликой луны. Тракт хоть и был пыльный с ухабами, но зато хорошо укатанный, а потому шагалось Люсьену мягко, легко и даже где-то приятно.

Ночь неспешно вошла в свои права и наполнила природу свежими ароматами. А вскоре от терпких запахов города не осталось и следа. Вокруг, то здесь, то там, вспыхивали весёлые огоньки порхающих светлячков. Ночные мотыльки, прельщённые их светом, присоединившись, тоже кружили рядом. А где-то на болоте надрывались лягушки, распевая свои квакающие брачные песни.

Потихоньку, полегоньку настроение у Люсьена начало меняться в лучшую сторону. Теперь ему уже не хотелось горевать и думать о плохом, он даже немного повеселел. Однако это не значило, что он прямо сейчас развернётся и пойдёт обратно в город, в кабачок к плите. Нет, вовсе не так, наоборот ему только сейчас, здесь на приволье, сделалось хорошо. И он всё шёл, и шёл, не чуя, ни усталости, ни голода, ни прохлады.

В какой-то момент ему вдруг стало всё так безразлично, что он, повинувшись какому-то древнему инстинкту, свернул в лес и побрёл по его полянам, опушкам, звериным тропам, не выбирая точной дороги. Шёл просто наугад, зачарованный ночным пением цикад и сверчков. Вскоре он забрёл в такую глушь, что свет от луны и звёзд еле пробивался сквозь верхушки деревьев.

Но ему было всё равно, лишь бы двигаться вперед, не думая ни о чём, а куда, это уже неважно. Однако внезапно, как это всегда и бывает, он ощутил невыносимую жажду. Ему так захотелось пить, что он был готов жевать листья лопуха, лишь бы заполучить хоть одну капельку влаги.

И тут лес, словно услышав его мысли, расступился. А впереди виляя серебряной змейкой меж деревьев, заблестела в слабом сиянии звёзд небольшая лесная речушка. Сразу же послышалось её весёлое и переливчатое, словно трель малиновки журчание.

– Ах, как же мне повезло, ... и именно тогда когда мне так хочется пить ... – радостно подумал Люсьен и быстро ринулся к речушке. Подбежав к воде, он упал на колени и жадностью бросился пить. Он думал, что не остановится никогда, настолько вкусной ему показалась вода. И это немудрено, ведь он не пил с самого обеда, а на улице давно уже была глубокая ночь и его состояние можно понять.

Утолив жажду, Люсьен откинулся на спину и, распластавшись прямо здесь же на берегу, устремил свой взор в небо.

– Ах, ... ну, как же замечательно жить, ... какая прекрасная пора эта ночь, ... звёзды, луна, свежесть, ... затмевают собой всё на свете, ... хочется мечтать, верить в будущее, и думать только о хорошем! И трижды прав был Ганс, говоря, что надо успевать приносить людям пользу! ... ах, сколько же впереди ещё приятных хлопот, чудесных забот, ... надо только собраться, и начать жить по иному, ... не торопясь, вдумчиво, ... не пропуская ничего интересного! Завтра же пойду в церковь, отмолю прежние грехи, и начну всё сызнова ... – блаженно разметаившись на мягкой траве, рассуждал он, настраивая себя на благие дела.

Но долго он так не пролежал, усталость и утомление сделали своё дело, и он преисполненный чистыми помыслами вскоре заснул. Нет ничего лучшего, чем уснуть в добром расположении духа. Разум Люсьена теперь был полон светлыми планами и благими намерениями. Он решил прямо с завтрашнего же дня начать воплощать их в жизнь. Однако сбыться этому, прямо назавтра, было не суждено. Утром его ждало невероятно неожиданное пробуждение.

6

Спозаранку, едва Люсьен открыл глаза, как сразу увидел перед собой девичье лицо несравненной красоты.

– Такое, наверное, бывает только в грёзах, ... – подумал он про себя, а вслух сказал, – я всё ещё сплю? ... это сон? ... и ты мне снишься ... – еле внятно пробормотал он и попытался приподнять голову, но очаровательный девичий голосок заставил его остановиться.

– Тихо-тихо, ... подожди, ... я запомню тебя, таким как ты спал, ... какое же умиротворённое лицо у тебя было, ... а какая блаженная улыбка гуляла на усах, словно у младенца, ... откуда ты здесь юноша? ... в глуши, один, да ещё так беззаботно спишь ... – мягко произнесла девушка.

– Да я собственно из города сюда пришёл, ... вчера вечером вышел, вот и забрёл, ... а ты кто? ... утренний ангел что ли? ... а как же ты-то здесь очутилась? ... – всё-таки чуть приподнявшись, растеряно спросил Люсьен по-прежнему не в силах совладать со своим удивлением.

– Дело в том, что у меня слишком запутанная история, чтоб я могла тебе её сразу доверить,... сначала я должна узнать кто ты,... тем более что я первая об этом спросила... – мило улыбнувшись, справедливо заметила девица.

– Ну да, ты права,... однако я всё ещё не могу на тебя наглядеться,... какая же ты красавица,... никого краше раньше не видел! Ты словно лесная нимфа, взялась ниоткуда,... или как русалка, из реки пришла,... вот только хвоста у тебя нет,... слышал я про них,... говорят, они невероятно красивы,... может и ты из них! Хотя ты одета, да ещё и вон как богато,... а они обнажёнными являются... – сконфуженно пролепетал Люсьен и даже весь покраснел словно спелый помидор, чем очень позабавил девушку.

– Скажешь тоже русалка,... да и нет их здесь,... уж я проверила,... все окрестности исходила, облазила,... никого не видела,... ни русалок, ни нимф, ни кикимор и даже лешего здесь нет... – весело посмеиваясь, пошутила она.

– Ну, тогда ладно,... но всё же твоя история остаётся за тобой,... а что касается меня, то тут все просто, ничего запутанного... – вздохнул Люсьен и начал свой рассказ.

– Был я никем, скромным бродягой,... ходил повсюду, работу искал,... как-то заметил меня один немец, владелец кабачка,... приглянулся я ему своим трудолюбием, взял он меня на кухню, поставил у плиты,... а очень скоро у меня поварской талант проявился,... и стал я у него лучшим кулинаром,... но до вчерашнего дня. Случилось у нас вчера в обед престранное происшествие,... явился к нам гость с виду обычный человек,... поел, попил да и свалился замертво. Правда перед этим успел прокричать, мол, это я его отравил,... дескать, еда была плохой,... но я-то знаю, что хорошая,... хотя сначала и засомневался, признал себя виновным и горевал очень. Ну а дальше с тем гостем ещё странней штука случилась,... исчез он, будто его и не было. Всякого о нём передумали,... и в конечном итоге сошлись, что его черти взяли. Но хуже всего, что люди в панике разбежались, и теперь моему доброму немцу наверняка придётся закрыть свой кабачок,... и так уж выходит, что виной этому я. Получается, я за хорошее, плохим ответил! Поэтому-то расстроился я вчера, да и пошёл, куда ни попадя,... забрался сюда, напился воды и уснул, а проснулся, ты рядом,... вот и весь сказ... – как можно быстрее пояснил Люсьен, а сам от красавицы глаз не отводит.

– Да уж история,... ну моя-то посложнее будет,... хотя ты знаешь, кажется мне, что есть у них что-то объединяющее,... как-то они взаимосвязаны, словно их один и тот же человек подстроил,... такое у меня подозрение! Я чуток над этим подумаю да потом тебе всё и выскажу, ... а сейчас давай-ка позавтракаем,... вон там, на опушке очень вкусная земляника растёт,... ну как, пойдём? – оживившись, позвала его девушка.

– Конечно, пойдём!... но только ты сначала скажи, как тебя зовут?! Вот меня, например, Люсьен!... – поддержав девицу, тут же откликнулся он.

– Ох, какое у тебя имя-то,... никак французское!... а у меня что ни на есть самое простое русское, Глаша меня зовут... – любезно ответила девушка и потянула Люсьена за собой на поляну с земляникой.

Так они и познакомились, и тут уж нетрудно догадаться, что этой девушкой была та самая Глашенька, дочка генерал-губернатора. Однако сейчас Глаша была в обычном своём облике, ведь обрастала шерстью и становилась зверем она только ночью.

– Ну, надо же,... и вправду такое простое и приятное имя, Гла-а-ш-а-а-а... – нараспев произнёс Люсьен, – а моё французское, потому что я и есть самый натуральный француз,... только я уже давно живу в России,... нравиться мне здесь! Привольно, свежо, да и народ у вас хороший,... отзывчивый, без излишнего жеманства и спеси. Плюс у вас ещё всякой диковиной снеди видимо невидимо,... всего вдоволь, и грибов, и ягод и разных овощей навалом,... а уж дичи и рыбы любой, несметное количество,... да одних только осетров с севрюгой столько, что всю Европу прокормить можно! Эх, если б ты знала, как я знатно готовлю осетра,... пальчики оближешь,... я его и пряной приправой припорошу и сметанным соусом пролью и на оль-

ховых углях закопчу... – сладостно причмокивая, начал было рассказывать Люсьен про свою кулинарную стихию, но Глаша перебила его.

– Погоди-погоди,... об этом потом, а сейчас мы уже пришли,... вон смотри, сколько земляники,... ешь давай, да помалкивай, теперь я говорить стану,... как только ты о готовке осетра упомянул, так я сразу поняла, кто стоит за вчерашним происшествием у вас в кабачке. Слышал ли ты хоть раз про некоего Йорка,... он тоже великий кулинар и тоже исключительно готовит осетра, но только он ещё и злодей каких свет не видывал! Хорошим людям препоны чинит, и жить мешают,... ну так как, слышал? – неспешно вкладывая в рот ягоду за ягодкой, спросила Глаша.

– Честно говоря, что-то такое слышал, но смутно помню,... хозяин как-то обмолвился про него, дескать, бояться его надо, мол, плут он и пройдоха, и многим поварам на Москве жизнь поломал. Однако я тогда словам хозяина мало значения придал,... больно делом увлечён был. Уж не думаешь ли ты, что это он вчера с нами такой подлый фокус проделал,... мёртвым прикинулся, чтоб клиентов отбить!?! – озарённый внезапной догадкой воскликнул Люсьен.

– Вот именно!... я наверняка уверена, что это был он!... этот хитрец на такие проделки мастак. Ну, ты ешь ягодки-то, ешь,... не отвлекайся,... сил набирайся, они тебе вскоре понадобятся, да ещё и светлая голова. Потому как коварен Йорк, и с ним просто так не совладать. Но придётся, ведь он и в моих бедах повинен, хотя сейчас не об этом,... теперь тебе надо скорее вывести этого интригана на чистую воду и отстоять своё честное имя! А для этого нужно хорошенько потрудиться,... ведь он в городе всё под себя подмял, всех в своих слуг превратил, все ему угождать готовы, и трудно будет его разоблачить,... тут поразмыслить надо... – сорвав очередную ягоду, заметила Глаша и остановилась в раздумье.

Люсьен взглянув на неё, не стал ей мешать, а молча, присев на травку, вновь залюбовался её грацией. В эту минуту Глашенька была особенно хороша. Её чуть сморщенный в думках лобик, и светлая чёлка над ним, в сочетании с прекрасными голубыми глазами, в купе с очаровательным вздёрнутым носиком и слегка припухлыми алыми губками, делали её милое личико невероятно привлекательным. Люсьен сидел и тихо радовался.

– Как же мне повезло,... такую девушку встретил,... и пусть она не говорит, кто она и что здесь делает,... мне всё равно,... главное она рядом. Ах, как изящно она ест ягодки, как прелестно морщит свой лобик, а какие у неё роскошные волосы,... так бы и закутался в них словно в спелых колосьях пшеницы. Какая же она изумительная девушка... – рассуждал он про себя, не отводя от Глашеньки взора. Однако в какой-то момент Глаша резко прервала ход его мыслей.

– Ну что подкрепился?... вот и хорошо! А теперь пришла пора действовать, и чем быстрее, тем лучше. Я тут поразмыслила и для начала думаю, нам следует пробраться в логово Йорка и похитить книгу со всеми его мудрёными рецептами,... а без них он уже никто! Без своих рецептов он не сможет приготовить ни одного мало-мальски съедобного блюда,... вот тогда-то все и узнают о его несостоятельности да увидят его настоящую сущность! А когда всем станет известно, что он простой пройдоха и лживый колдун, его отовсюду изгонят и он потеряет свою власть! Правда есть одна загвоздка, он никогда не расстанется со своими рецептами,... а если куда и уезжает то прячет их... – здраво оценив обстановку, заключила Глаша.

– Да, но как же мы найдём его логово, его рецепты?... и вообще что это за логово такое, и как мы туда попадём?!... – поражённый её дерзким планом воскликнул Люсьен.

– Доверься мне, я знаю, что делать,... а сейчас нам надо срочно отправиться в город, и ещё до вечера пробраться к Йорку!... – категорично заявила Глаша.

– Но подожди,... как же так, ведь обычно такие дела как раз и делаются поздно вечером, или под покровом ночи, когда никто ничего не видит. Так почему бы и нам не поступить также, ведь все так делают... – немного удивлённо попытался возразить Люсьен, хотя сам уже вовсю семенил за Глашей, которая быстрыми шагами выбиралась из леса на дорогу, ведущую в город.

– Нет, мы так не можем, ... мы другие, не такие как все, ... а потому нам надо всё делать именно до ночи! И не спрашивая меня почему, придёт время, узнаешь! – на ходу резко осекла его Глаша и тут же продолжила, – а что касается его логова, то я точно знаю, где оно находится и как в него проникнуть! Но вот беда, самой мне этого не сделать, ... и на то есть тоже свои причины! А вот ты сможешь, ... тебя там никто не знает, и ты с лёгкостью проникнешь вовнутрь, выдав себя за того кем я тебе скажу быть, ... надеюсь сейчас ты всё понял? ... – переспросила она Люсьена едва они выбрались на дорогу.

– Да конечно, понял, ... да у меня и выбора-то нет, как только всецело довериться тебе. ... – покорно согласился он.

– Вот и славненько, ... а логово Йорка располагается во дворце генерал-губернатора, ... там снаружи есть небольшой флигелёк, вот там-то он и обитает, ... и, кстати, там же хранятся все его тайные записи и рецепты. Он тщательно оберегает эти записи, и похитить их будет очень трудно. Однако он не учел, что похитителем будешь ты, ... такой же великолепный повар, как и он! Другому человеку, непосвящённому, это не удастся сделать, ... он просто не разберётся в грудe бумаг хранящихся у Йорка и не найдёт нужных. ... – также уверенно заявила Глаша и не снижая темпа устремилась в город.

Люсьен, было, опять собрался спросить её, откуда она всё это знает, но Глаша, предвидя такой оборот, опередила его и строго потребовала, чтобы он более не задавал ей глупых вопросов и слепо выполнял все её указания. Люсьену ничего не оставалось делать, как только подчиниться. Так они и продолжили свой путь. Глаша всю дорогу его поучала, наставляла, а он всё её слушал, внимал и любовался ей.

А к концу пути Люсьен уже не мог избавиться от мысли, что целиком и полностью влюблён в эту властную, обворожительную и загадочную девушку. Она просто-таки сводила его с ума своей решительностью, красотой и редкостным умом. Но надо отметить, что и Глаша, невзирая на всю свою увлечённость делом, успела разглядеть в Люсьене привлекательного и обаятельного юношу, способного на достойные поступки.

После продолжительного разговора с ним, её мнение о нём и их утренней встрече несколько не изменилось. Люсьен по-прежнему представлялся ей таким же нежным и чувствительным юношей, беззаботно отдыхающим на травке. Её первое впечатление осталось неизгладимым, и более того к нему прибавились ещё и душевные нотки сильной симпатии.

Но это и понятно, ведь высокий, стройный красавец с приятными лицом и деликатными манерами вскружил бы голову любой девушке. Люсьен хоть и не был дерзким обольстителем с обаянием дамского угодника, но всё же и в его скромности со смирением присутствовал свой манящий шарм.

Одним словом Глашеньке он безумно понравился. И когда они уже входили в город, она отметила для себя, что, несомненно, полюбила этого скромного, но такого уверенного в себе юношу. Вот какое изумительное чудо случилось с ними. Вчера в это время они ещё и не знали о существовании друг друга, а сегодня уже вместе рука об руку шагают вперёд к общей цели. Однако, любовь любовью, а впереди ребят ждало очень серьёзное испытание.

7

Был уже разгар дня, когда новоявленные влюблённые оказались у дворца генерал-губернатора, родного дома Глашеньки. Здесь ей было всё знакомо, тут она знала каждый уголок, каждый закуток. С того дня как она ушла отсюда ничего не поменялось. Всё также подъезжали и уезжали кареты, вышагивали лакеи, кругом сновали разные люди. Кто-то на приём, кто-то в канцелярию, а кто-то и по бытовым делам спешил навестить чиновника.

В общем, ничего удивительного, так всегда бывает при дворцах. Всегда много нудной суеты и ворох всяких проблем. Однако также при дворцах бывают и перерывы на обед, а куда ж без них-то, поесть всем хочется. Вот сейчас как раз пришло время обедать. Пробыл час, и всех сразу, как корова языком слизнула, все моментально устремились к сытным обеденным столам.

Разумеется, и Йорк не был в стороне от всего этого действия. Он, как обычно прихватив с собой объёмистый сборник рецептов, хлопотал на кухне, готовя очередной деликатес лично для генерал-губернатора. И права была Глашенька, говоря, что без своего сборника он ничего не значил. Это было точно. Йорк хоть и был потомственным колдуном, но, не имея под рукой той книги, он был просто беспомощен. Впрочем, также как и все прочие колдуны, ведь у каждого из них имеются свои книги заговоров и заклятий. А у Йорка была книга рецептов, только всего и разницы.

Вот и сейчас он приготовил генерал-губернатору особое блюдо после, которого по плану Йорка генерал должен был напрочь потерять волю и отдать бразды правления городом ему. Теперь, когда его дочери не было во дворце, генерал кроме еды ничего не признавал, уж до такой степени его организм был завлечён яствами Йорка.

А Йорк всюду пользовался своим привилегированным положением. Он приказал всем своим соглядатаем при первом же появлении Глаши во дворце схватить её и посадить в подвал. Он прекрасно понимал, что ночью Глаша не появится, потому как будет выглядеть зверем. А вот днём она в нормальном облики может проскользнуть во дворец и навредить ему.

Потому-то днём вся приусадебная территория перед дворцом кишела соглядатаями и шпиками Йорка. Но Глашенька знала об этом, и поступила здраво, отправив за себя на разведку Люсьена. Сама же она спряталась в ближайшем саду, там было пусто и безопасно. В её затее было и ещё одно преимущество, Люсьена во дворце никто не знал, да и людей там находилось немало, можно было с лёгкостью затеряться среди них.

Кстати, даже Йорк понятия не имел, как выглядит Люсьен. Ведь в тот роковой час Люсьен не вышел с кухни, а сразу забился в угол и Йорк его просто не видел. А это обстоятельство сейчас давало Люсьену большое преимущество. Он осторожно, как его и научила Глаша, продвигался по дворцу, выискивая флигелёк Йорка.

А когда его кто-нибудь из караульных слуг спрашивал, куда он направляется, то он им картаво отвечал на французском языке, что прибыл, мол, из Парижа и привёз свежего пармезана. А теперь его якобы с повозкой не пропускают на заставе и ему нужен особый пропуск. Услышав такое запутанное объяснение никто ничего, разумеется, не понимал, и его отсылали дальше, чтоб только быстрее от него отделаться.

А надо отметить, что Люсьен и выглядел подобающе. Это Глаша постаралась. Перед тем как отправить его во дворец, они вместе успели заглянуть к одному её доброму знакомому портному. А тот быстро выдал Люсьену должный костюм на французский манер. И это очень помогло, ведь Люсьен как ушёл из кабачка в поварской курточке и колпачке, так в них и ходил. Зато сейчас он был одет сообразно своей миссии. Вот к каким ухищрениям пришлось прибегнуть ребятам.

А меж тем Люсьен удачно миновав все опасные закоулки дворца, вышел в коридор ведущей к флигельку Йорка. Преодолев его буквально в минуту, он был уже у дверей. Глаша заранее предупредила Люсьена, что у Йорка есть привычка, приходя с кухни, отрыв дверь, первым делом углубляться вовнутрь, в свой дальний кабинет, и прятать там сборник рецептов. А уже потом возвращаться и затворять за собой дверь.

Вот как раз в эти-то несколько минут, пока Йорк прятал рецепты, можно было незаметно проскользнуть во флигелёк и спрятаться там, чтоб выждать удобного момента. Люсьен так и намеревался сделать. До прихода Йорка с кухни оставались считанные мгновения. Люсьен встал за колонну при входе и затаился.

Вскоре появился и сам Йорк, он быстро отворил дверь и, как ожидалось, сразу прошёл в дальний кабинет. Люсьен ловко прошмыгнул следом за ним и тут же спрятался за шторами в нише возле окна. Буквально через секунду вернулся Йорк, закрыл дверь и вновь удалился в свой кабинет. Всё случилось, как и планировала Глаша

Теперь Люсьену лишь оставалось дожидаться, когда Йорк опять куда-нибудь уйдёт, выйти из своего убежища, найти сборник рецептов, похитить его и выбраться наружу. Казалось бы, немудрёная задача, однако всё пошло не так, как бы этого хотелось.

Прошёл уже час, к концу близился второй, а Йорк всё так никуда и не выходил. В его кабинете воцарилась тишина, и оттуда не доносилось ни звука. И что уж там происходило, было не известно. Толи Йорк уснул, толи напряжённо обдумывал свою очередную каверзу, оставалось загадкой.

У Люсьена страшно затекли ноги, и заломило в пояснице от долгого неподвижного стояния. Да плюс ещё от окна ужасно сквозило. Тонкая струйка прохладного воздуха била ему прямо в шею, отчего в плечах появилось нытьё. Ему срочно надо было размяться, дабы окончательно не закоченеть. Дальше оставаться в таком положении было невозможно.

Тем временем вовсю вечерело, солнце стремительно пряталось за горизонт, пришли сумерки, а холодный сквозняк лишь усиливался и грозил перерасти, чуть ли не в жуткую пытку. Тот, кто хоть раз испытал на себе воздействие ледящей струи сквозняка, поймёт состояние Люсьена.

Он не смог выдержать более ни минуты, быстро выбрался из-за шторы, и, поёживаясь, стал вприсядку расхаживать по комнате. Однако в какой-то момент не совладал с равновесием и завалился на бок. Шум от его падения был небольшим, таким словно котёнок шалит. Но и его хватило, чтоб из кабинета почти мгновенно выскочил Йорк.

– Кто здесь? Какого чёрта тут происходит!?! – вскричал он и стал присматриваться к обстановке. Но благо в комнате было уже достаточно темно, ведь наступил вечер, и Йорк попросту ничего не разглядел.

– Опять эти проклятые мыши разбегались,... и так каждый вечер, как потёмки так они вылазят из всех щелей,... управы на них нет... – недовольно проворчал он и вновь скрылся за дверьми своего кабинета.

– Фу,... кажется, не заметил... – облегчённо прошептал Люсьен и потихоньку поднявшись, поспешил вернуться на своё прежнее место за штору. Меж тем на улице совсем уже стемнело, и кое-где зажгли фонари. Люсьен заметив их в окне, сразу вспомнил о Глашеньке.

– Как же так получается,... уже вечер, а я ещё не выполнил указания Глаши,... а ведь она мне говорила, что всё надо сделать до ночи. Ах, я неудачник, даже элементарного не выполнил,... не смог какую-то книжонку утащить... – досадовал он, пока ещё и сам не зная, насколько полезным окажется его падение.

Йорк неспроста так быстро выскочил из кабинета, услышав шум в соседней комнате. Он в этот момент как раз закончил изучать очередной колдовской рецепт, и уже было собрался, блаженно потянутся, как вдруг раздался шорох. Кстати, вот оттого что он так напряжённо изучал, у него и было тихо. А тот резкий шорох внёс раздрай в плавный ход его мыслей. И теперь он не мог сосредоточиться, всё смешалось в его голове. Шуршащие мыши, ингредиенты рецепта, сладкие соусы, слились в единый клубок.

– Тьфу ты,... бес их возьми этих мерзких мышей,... всё мне сбили! Нет, надо пойти развеется, хорошенько прогуляться,... иначе я совсем рехнусь с этим рецептом для генерала! Ах, как всё трудней становится ему угодить... – недовольно пробурчал он под нос, и в ту же секунду накинув на себя свой новый сшитый по французской моде сюртук, вышел из кабинета.

И хоть в соседней комнате царил полумрак, он, хорошо зная путь, быстро дошёл до входной двери, открыл её и в тот же миг был таков. Йорк даже и не заметил, что в спешке забыл загасить свечу на столе, убрать подальше рецепты и запереть за собой входную дверь. Нельзя сказать, что он был особо рассеянным, нет, но вот именно сейчас падение Люсьена привело его в такое состояние.

И он, весело насвистывая какую-то незамысловатую мелодию, направился на прогулку в соседний сад, где как раз пряталась Глашенька. Такого совпадения никто не ожидал. Люсьен

услышав, как Йорк вышел и, насвистывая, направился вон, мгновенно покинул своё убежище за шторами и юркнул в кабинет. Свеча всё ещё ярко горела, освещая стол. Люсьен тут же бросился к нему.

– Ну и где тут эта книга... – нервно прошептал он и, поправив свечу, принялся перебирать ворох всяких бумаг, книг, папок, записей, лежащих повсюду, и на кресле, и на столе, и на бюро и даже на полу. Было такое впечатление, что Йорк специально устраивал в кабинете такой кавардак, дабы никто другой не смог найти его тайные рецепты.

И ведь отчасти это было так. Этот хитрец знал и умел, как запутывать следы. И права была Глаша, говоря, что несведущий человек в этом беспорядке сломал бы себе голову, но ничего не обнаружил. Однако такой фокус не прошёл с Люсьеном. Он буквально в считанные минуты, сопоставив массу всяких записей, нашёл нужную ему книгу.

– Ага, вот они эти пресловутые рецепты,... всё прочее сплошная ерунда для забивки мозгов,... несвязанный набор ингредиентов,... ну всё, пора отсюда сматываться... – держа в руках книгу, обрадовался он, и тут же запихав её за пазуху и прихватив с собой свечу, стал быстро выбираться из флигелька. Благо входная дверь была не заперта, и он с лёгкостью выскользнул в коридор.

Похищение состоялось, но вот только теперь выйти из дворца для Люсьена стало затруднительным делом. Хитросплетение всех этих коридоров, лестниц, закутков, да ещё и в потёмках, ввергало его в страшную панику.

– Куда же тут дальше,... направо,... налево, не поймёшь! Ах, днём-то хорошо было, светло, всё видно, не то, что сейчас... ничего не разобрать... – суматошно рассуждал он, осторожно продвигаясь по коридорам.

Но вот в одном из поворотов он узнал знакомое направление, и быстро сообразив, куда ему надо идти, практически сразу нашёл выход. И что ещё замечательно, ему никто не мог помешать выбраться незамеченным с территории дворца. Ведь был уже поздний вечер и все шпионы Йорка, зная, что Глаша в такую пору не объявится, преспокойно удалились отдыхать.

Однако самой Глаше меж тем было вовсе не до отдыха. Просидев в саду, столько времени, она теперь в нетерпении жутко нервничала и даже злилась. Но её можно понять, ведь она до сих пор не знала, ни где Люсьен, ни что он делает. Проник ли он к Йорку, или же его разоблачили и схватили, всё это было ей не ведомо. В какой-то момент она уже сама было собралась бежать во дворец, и будь что будет. Но в последний миг здравый смысл возобладал и она остановилась.

Однако главным беспокойством было другое. Скоро должна была взойти Луна. До этого оставалось буквально с десятков минут, и тогда бы Глаша неумолимо покрылась шерстью и чешуёй, а Люсьена всё не было и не было. Нервное напряжение нарастало. И вдруг с дальней аллеи раздались шаги приближающегося человека вперемежку с беззаботным посвистыванием.

– Не уж-то Люсьен идёт,... да ещё и свистит, будто ночной соловей,... он, что совсем страх потерял,... вон и сюртук свой расстегнул, да руки за спину заложил,... ступает, словно на прогулке... – вглядываясь в еле приметный силуэт, прошептала Глашенька, и быстро кинулась навстречу, дабы предостеречь. Но это был вовсе не Люсьен, а Йорк, довольный и радостный вышагивал по аллее, торжествуя, что в его арсенале появился ещё один колдовской рецепт. И тут на него из темноты выскакивает Глаша с нареканиями.

– Тихо-тихо, ты чего рассвистелся, примолкни!... – одёрнув его, воскликнула она да тут же и оторопела. Перед ней стоял Йорк, точно в таком же сюртуке на французский манер, как и у Люсьена, вот он-то и ввёл её в заблуждение.

– Ах, так это ты Глаша,... а я-то уж подумал, что за разбойник тут по ночам бродит... – не растерявшись, пошутил Йорк, и мгновенно схватил Глашеньку за руку, – ну, надо же,... ты, и такой порой, вот так сюрприз! А ну-ка, ну-ка, поясни мне, почему же это я должен быть

тихим, ... иль, быть может, ты ожидала увидеть здесь не меня?... – сразу сменив тон, развязно ехидствуя, спросил он.

– Да никого я не жду!... просто свист плохая примета!... а ну отпусти меня!... – вырываясь из его цепких рук, попыталась оправдаться Глаша.

– Нет уж, ... теперь я тебя никуда не отпущу!... скоро взойдёт Луна, и ты превратишься в зверя!... тогда я позову сторожей, и пусть они тебя забьют палками насмерть!... ха-ха-ха! ... – мерзко кривя рот, прохрипел Йорк, и зашёлся противным, грубым хохотом. Но его хохот услышал Люсьен. Он как раз выбрался из дворца и спешил напрямиком к Глашеньке в сад, а тут этот смех.

– Что это ещё за хохот такой, ... никак случилась беда!... – быстро подумал он и прибавил хода. Йорк же тем временем принялся крутить и связывать Глаше руки. Он хотел обезвредить её, ведь когда она становилась зверем, она делалась невероятно сильной и могла бы запросто свернуть ему шею. Однако связанной она становилась просто беспомощной. Йорк уже схватил её за запястья, и в этот самый момент на аллее появился Люсьен. Он по-прежнему держал в руке свечу, она хоть и погасла, но всё ещё была горяча.

– Ты что это делаешь негодяй! – увидев страшную картину, вскричал он и сходу кинувшись на Йорка, со всего маха припечатал ему горячей свечёй прямо в лоб. У того аж искры из глаз посыпались, и он, разумеется, сразу выпустил Глашеньку.

– А-а-а-ай! – истошно закричал он и схватился за лицо руками, – сюда!... ко мне!... сторожа!... на меня напали!... – орал он, корчась от боли.

– Бежим быстрее отсюда! – воскликнул Люсьен и, потянув Глаше руку, увлекая её за собой, бросился бежать. Секунда, другая, и ребята стремительно выскочили из сада. Свернув в ближайший переулок, они кинулись на соседнюю улицу, а оттуда в сквер. И спустя уже несколько мгновений они вовсе мчались по бульвару к дороге из города.

Подбитый же Йорк поднял такой переполох, что со всей округи сбежались сторожа и слуги, а из дворца повыскакивали его соглядатаи и шпики. На лбу у него вздулась шишка размером с увесистую брюкву, и он теперь больше походил на носорога, нежели чем на всемогущего личного повара генерал-губернатора.

– Ловите!... ловите их!... это звери!... разбойники!... это они напали на меня!... – кричал он, мотая головой, словно лошадь перед скачками. Но вокруг него никого не было, ни каких зверей, ни каких разбойников. Сторожа со слугами постояли, подивились на такого носорога-образного кулинара, да как давай над ним смеяться-потешаться. А соглядатаи и шпики смиренно прикрыв свои рты ладонями стали втихую похохатывать. Так бесславно закончилась сегодняшняя прогулка Йорка. Впрочем, с этого момента у него вообще всё кончилось.

8

А меж тем ребята уже успели добежать до границ города и даже выскочить на проезжий тракт. И тут вдруг, как по мановению волшебной палочки на небосклоне из-за ночных облаков вышла полная, словно тарелка с топлёным маслом, жёлтая Луна. В тот же миг с Глашей начали происходить невероятные перемены.

Густая шерсть практически мгновенно покрыла всё её тело, голову тут же обнесло чешуей, а ногти на руках и ногах превратились в когти и в секунду выросли до таких размеров, что стали мешать Глаше бежать. Люсьен, следовавший чуть впереди её, и высматривающий в полумраке дорогу, не сразу заметил такие перемены. И уж только когда он в очередной раз обернулся чтоб проверить её, лишь тогда он увидел, что вместо Глаши его преследует лохматый зверь.

От столь неожиданного видения Люсьен резко, словно кто его ударил, остановился и оторопел, а Глаша со всего маха налетела на него и сбила с ног. Люсьен рухнул в придорожную колею, будто куль с мукой, подняв клубы пыли. Глашенька же во всём своём зверином облике упала на него сверху.

– Кто ты!? Где моя Глаша!? Что ты с ней сделал!? – вцепившись руками в шерсть, закричал Люсьен и принялся трясти Глашеньку. Но она, легко перехватила его руки и тихо прорычала.

– Да это я Глаша,... приглядишься ко мне,... посмотри в глаза,... я это... ну, узнаёшь? Просто при Луне я превращаюсь в чудище,... вот потому-то нам и надо было всё сделать ещё до ночи,... не желала я, чтоб ты увидел меня такой,... думала, успею спрятаться от тебя. Но не я виновата в этом,... это всё Йорк сделал, чтоб избавиться от меня и изгнать из дворца,... ведь я дочка генерал-губернатора... – печально пробурчала она, отпустила руки Люсьена и слезла с него.

– Как же так,... ничего не понимаю,... выходит я полюбил зверя... – немного прейдя в себя, удивлённо пролепетал Люсьен.

– Выходит так,... но что ещё хуже, ведь и я тоже полюбила,... тебя,... только не хотела раньше времени говорить об этом... – грустно откликнулась Глаша.

– То-то я гляжу, ты всё во дворце знаешь,... все ходы переходы,... да и этот плут Йорк тебе тоже знаком,... теперь-то понятно почему! Но ты не подумай чего, ты мне и такая нравишься,... ну и что, что ты лохматая да с когтями,... ведь это же всё равно ты,... а я люблю тебя, и вместе нам хорошо... – мигом разобравшись в создавшейся ситуации, взялся утешать Люсьен Глашу.

– Да, тебе легко говорить,... а мне каждую ночь приходится от людей прятаться,... подальше в лес уходить и в кустах утра дожидаться... – узнав, что Люсьену безразлично как она выглядит, на радостях поделилась с ним переживаниями Глаша.

– Ну и ладно, ничего страшного,... и с этим совладаем! Небось, не навсегда Йорк заколдовал тебя!... наверняка в его рецептах есть средство, как вернуть тебе прежний облик! Дождёмся утра, рассветёт, а уж там я найду нужный рецепт,... книга-то у нас,... сделаю тебе снадобье, и всё как рукой снимет! А сейчас пойдём-ка на наше место к лесной речушке на ягодную полянку,... подкрепимся да заночуем там. Ой,... вот только что-то у меня с ногой случилось, кажется, я её подвернул, когда падал, и в боку ноет... – попробовав встать, обнаружил Люсьен.

– Это ничего,... не можешь идти, ерунда,... я тебя отнесу,... знаешь, какая я сильная, когда становлюсь зверем!... ух какая!... так что со мной лучше не спорить!... – задорно пошучивая, воскликнула Глашенька, подхватила Люсьена на руки, словно пушинку, и понесла его на земляничную полянку.

Так потихоньку полегоньку они и отправились в путь. А спустя всего час благополучно добрались до места. Там Глашенька накормила Люсьена спелой земляникой, напоила свежей водицей, укутала его своей тёплой шерсткой, да так они и уснули до самого утра.

А утром, едва ребята проснулись, как тут же взялись изучать рецепты. Ещё на рассвете у Глаши сошла вся шерсть, когти пропали, а потому ей сейчас было легко листать страницы книги и читать Люсьену рецепты. Он же тем временем сидел рядом и мастерил туесок для трав. За ночь нога у него поправилась, бок перестал ныть, и он теперь мог безболезненно двигаться, да ещё и давать разные комментарии по рецептам.

– Нет, этот не тот!... и этот не пойдёт!... – изредка восклицал он, – все эти рецепты для готовки еды, а не для колдовства,... попробуй почитать книгу с конца,... может там есть нужное заклинание... – важным тоном говорил он да указывал на страницу. Уж в рецептурных-то делах он знал толк и чувствовал себя докой. Но вот в какой-то момент Люсьен внезапно замер и насторожился.

– Постой-ка Глашенька, постой милая,... прочти-ка мне ещё разок последнюю строчку, ... что-то в ней есть такое... – быстро попросил он, и Глаша ему тут же её повторила, отчего Люсьен аж подскочил.

– Ага! Вот оно!... вот только жаль это немного не то,... этим рецептом он тебя в зверя превратил,... а другого, как тебе вернуть обратно прежние состояние, у него нет,... не придумал он обратного рецепта! Но это ничего!... он не придумал, так я догадаюсь,... недаром же старый немец Ганс сравнивал меня с чародеем! Ну-ка милая прочти мне его ещё разок,... кажется, я начинаю понимать, в чём тут секрет... – вдохновенно произнёс Люсьен, и пока Глаша повторно читала ему рецепт, стал напряжённо вдумываться в него. Впрочем, недолго.

Из тех компонентов, что упоминались в прежнем списке, он по наитию составил свой, новый рецепт. И притом составил его из того что было у него под рукой, из всего чем наградила его природа на тот момент. Из замечательных лесных ягод, из земляных и еловых орехов, из спелых грибов и целебных кореньев, из зелёной листвы и луговых цветов, он даже соус для этого рецепта сотворил из свежей речной воды и капелек росы, что оставались с утра на траве.

И ещё до полудня у него всё было готово. Все компоненты сложены в берестяной туюсок, что он ранее сделал, тщательно перемешаны и сдобрены душистыми травами. Снадобье получилось похожее на нежный ароматный салат приправленный лёгким соусом. Блюдо выглядело настолько аппетитно и красиво, что его хотелось тут же проглотить, не пережёвывая. Ну, ещё бы, ведь его приготовил Люсьен, самый лучший кулинар, какой только мог бы быть.

– Ну вот, теперь дело за тобой,... отведай,... а потом скажешь, как себя чувствуешь... – протянув Глаше туюсок, ласково предложил он.

– Хм, ну что же,... сейчас попробую... – быстро откликнулась Глашенька и, сглотив набежавшую слюнку, с удовольствием принялась пробовать салатик. Да так им увлеклась, что в одну минуту весь его и съела.

– Ух, ты,... вот это да, ну и вкуснотища,... будто не колдовское снадобье приняла, а изысканное кушанье царской кухни отведала! Да уж Люсьен ты действительно знатный кулинар,... такого повара ещё свет не видывал! Ну, надо же какой салат приготовил,... да его можно на самых величественных пирах подавать! А назови-ка ты его своим именем,... и будет у тебя собственное фирменное блюдо,... непревзойдённой вкусности блюдо! – восхищаясь, казалось бы таким незамысловатым кушаньем, вдохновенно предложила Глашенька.

– А что,... я, пожалуй, так и сделаю,... дам этому салату своё имя, а его рецепт засекретим,... и будет он теперь называться салат «Оливье»! Ха-ха,... вот уж ты здорово придумала,... и станем мы его подавать только по великим праздникам!... ха-ха! Ну, да это ладно, это всё потом, а сейчас ответь мне как твоё самочувствие,... изменения есть какие?... – обрадовавшись, что его рецепт пришёлся Глашеньке по вкусу, весело посмеиваясь, спросил её Люсьен.

– Ты знаешь,... того прежнего ощущения звериной озабоченности уже нет,... как-то оно сразу ушло, испарилось,... нет ни тревоги, ни неопределённости,... теперь всё ясно и понятно! А это значит, что я уже больше никогда не превращусь в зверя,... и пора бы нам возвращаться домой, да батюшку моего от негодяя Йорка освобождать!... – свободно вздохнув, уверенно заявила Глашенька.

– Ну, так идём же,... чего нам тут ещё ждать! А книгу с рецептами Йорка мы доверим реке,... пусть она все грязные колдовские записи смоет с её страниц, а оставит лишь чистую, белую бумагу, чтоб она уже никому и никогда не смогла навредить! – воскликнул Люсьен и бросил книгу в речку. Бурный поток тут же её подхватил и понёс далеко по стремнине очищать от злых писаний.

Ну а ребята, недолго думая собрались да во дворец подались. А там шум, тарарам коромыслом стоит. Йорк без своих рецептов совсем беспомощным сделался, даже завтрака генерал-губернатору приготовить не сподобился. Бегаёт своим шишкой-рогом трясёт, а придумать ничего не может. А рог-то у него за ночь ещё больше вырос.

Тут уж и генерал-губернатор, с утра не отведав его кулинарной стряпни, приходит в себя начал. Потихоньку, тяжело, но начал. Пелена колдовская с его глаз слетела и смотрит он, а доченьки-то его любимой Глашеньки нигде нет. Враз вспомнил генерал, как над ним Йорк

измывался, дурманом его каждый день потчевал. Схватил он Йорка за грудки, затряс изрядно да ответа требует.

– Ах ты, ирод!... пригрелся на моей кухне негодяй!... связями оброс, властью разжирел! Вот я тебя,... а ну говори блоха аглицкая, куда мою доченьку подевал!?!... не то я из тебя весь дух вышибу, чёрт ты однорогий! – кричит, браниться на Йорка, вот-вот прибьёт. А тут и Глашенька с Люсьеном объявились.

– Батюшка,... здесь я! Вот она я,... из леса вернулась да не одна, а со спасителем нашим, ... это Люсьен друг мой сердешный,... это он мне помог от заговора негодяя Йорка избавиться да прежней стать... – наспех пояснила Глашенька да к отцу в объятия кинулась, уж очень соскучилась, ведь давно не виделись. А генерал-то от счастья сам не свой, обнимает её, целует.

– Ах, доченька,... лапушка,... а я-то уж чуть было грех на душу не взял,... чуть ведь не прибил супостата этого аглицкого,... ох, хорошо ты вовремя нашлась,... спасибо другу твоему! Эй, охрана возьмите этого чёрта однорогого Йорка да уберите его подальше с глаз моих! ... – скомандовал генерал, а сам радуется, одной рукой дочку обнимает, а другую Люсьену подаёт, приветчает его, приветствует. И вот они уже познакомились, а ещё через пару минут у них и разговор завязался.

Люсьен генералу много чего интересного порассказал. И про прохиндея Йорка просветил, и про его колдовские замашки словечко замолвил. Ну и, разумеется, про то, как они с Глашей встретились и полюбились друг дружке, тоже не забыл сказать. А Глашенька рядышком стоит да всё подтверждает и на радостях головой кивает.

Ну а генерал-то как про их любовь услышал так сразу и благословил, говорит, лучшего жениха он и не желал бы. Вот тут-то все и сбежались, вся прислуга, все горничные, няньки, придворные, дворецкие, лакеи, и даже чинуши с бюрократами из канцелярии примчались. Радости и веселья на весь дворец. Все тут же к молодым кинулись. Поздравляют, обнимают, ликуют.

Не ликовал лишь один Йорк, он в каземате ныне, в угол забился, да за свой рог схватился. Испугался, забоялся, что-то с ним теперь генерал сделает. Но генерал, добрая душа, карать его особо не стал, отправил на кухню в подмастерья, лук да чеснок чистить. В городе же повелел весь Йорковский «fast food» отменить, и народ по-прежнему добротными кушаньями кормить.

Ну а вскоре должный срок подошёл, вот тогда взяли, да всем миром свадебку-то и сыграли. Весёлую, залихватскую, озорную, на всю Москву удалую. Долго потом ещё народ её вспоминал, всем она понравилась, всем её угощения по вкусу пришлись. Ну а что уж говорить про знаменитый салат Люсьена, да его люди до сих пор не забыли, и не только в Москве, но и по всей Руси-Матушке помнят...

Конец.

Сказка о премьер-майорше Суворовой и мяснике Панкрате, вегетарианцам лучше не читать

1

На востоке Москвы сразу за парком «Сокольники» на берегу речки Яузы раскинулся весьма примечательный район «Преображенское», унаследовавший своё название от небольшого сельца, что здесь когда-то находилось. А примечателен этот район своей бурной историей, ведь тут в начале своего жизненного пути воспитывался сам царь Пётр I. Здесь же он постигал и науку воевать; собирал так называемые «потешные» войска, возводил первые скромные крепости, устраивал баталии, осваивал на Яузе английский ботик, учился ходить под парусом. В общем, много чего интересного и полезного делал.

Ну а впоследствии царь Пётр создал здесь первую регулярную российскую армию, и первым её солдатом стал рядовой Преображенского полка Сергей Леонтьевич Бухвостов. Ныне на центральной площади района ему установлен великолепный памятник работы выдающегося русского скульптора Вячеслава Клыкова. Более того, в районе есть улица носящая имя первого русского солдата «ул. Бухвостовская». Также в районе имеется улица, названная в честь «потешного» войска, она так и называется «ул. Потешная», и проходит как раз в том месте, где раньше располагалось то войско.

А ещё есть улица «Девятая рота», но это уже на другой стороне района, там, где в слободке когда-то и была расквартирована та самая 9-я рота Преображенского полка. А параллельно ей проходит улица «Суворовская», однако сразу стоит заметить, что она названа не в честь нашего великого полководца Александра Васильевича Суворова, а по фамилии премьер-майорши Суворовой, державшей здесь в XVIII веке доходные дома. Иначе говоря, майорша была владелицей домов на этой улице.

О, эта майорша личность весьма легендарная, и это в прямом смысле. Он ней до сих пор ходит множество всяких легенд и даже мифов. Притом никто доподлинно не помнит, как её точно величали по батюшке; не то Анна Васильевна, не то Анна Ивановна. Одним словом личность загадочная и даже мистическая. При этом в те далёкие времена поговаривали, что она водит дружбу с чертями из Яузской заводи, и является самой настоящей ведьмой. Правда это, или нет, сейчас уже не узнать, хотя совершенно точно известно, что существует легенда о том, как майорша проучила одного сильно зарвавшегося хозяина мясной лавки, что располагалась на соседней, параллельной улице.

Кстати, теперь эта улица называется «ул. Буженинова». И опять-таки названа она не по месту нахождению здесь когда-то мясной лавки, или мясного продукта буженины, а по фамилии вполне известного архитектора XIX века Михаила Буженинова. Но как бы там ни было, и как бы что ни называлось в те далёкие времена, а только события той загадочной истории происходили именно на этих старых улочках и именно в этой слободке. И о них-то, об этих событиях, дальше и пойдёт речь. А началось всё с весьма заурядного случая.

2

Отправилась как-то с утра премьер-майорша на соседнюю улицу в лавку к мяснику. Захотелось ей прогуляться, да по дороге на свои дома посмотреть, ну и конечно себя показать. А заодно и свежей буженинки прикупить, уж больно майорша её любила, дня не проходило, чтоб она ей не лакомилась. Хотя была майорша уже преклонных лет, и, казалось бы, жирное ей кушать нельзя. Но надо знать норы майорши, а он у неё был крутой, властный, своенравный, не терпящий возражений, притом с неизменным желанием куража. И вот заходит она вся такая властная в мясную лавку и прямо с порога заявляет присущим ей командным тоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.